

Николай Михайлович Карамзин

Несколько слов о русской литературе

Николай Михайлович Карамзин

Несколько слов о русской литературе

Статья была опубликована в журнале «Spectateur du Nord» («Северный вестник») в октябре 1797 г. на французском языке (печатается в переводе на русский язык). Обращаясь к европейскому читателю, Карамзин дает характеристику русской литературы. Статья особенно интересна тем, что в ней излагается содержание не опубликованных еще тогда полностью «Писем русского путешественника».

Содержание

#1	0005
Примечания	0026

**Николай Михайлович
Карамзин
Несколько слов о русской
литературе**

*Письмо в «Зритель» о русской литера-
туре*

С удовольствием откликаюсь, милостивый государь, на любезное ваше приглашение и берусь за перо, чтобы начертать несколько слов о нашей литературе, каковую вы сочли достойной внимания ваших читателей. Да, сударь, в каждом климате встречаются дарования, и даже в России есть талантливые люди, которые достаточно скромны, чтобы не оспаривать пальму первенства у французских, немецких и прочих литераторов, но которые могут, читая их бессмертные творения, сказать про себя: «И мы тоже художники». Да, натура повсюду величественна и прекрасна; повсюду она трогает наше сердце, вызывает в нем чувствительное начало, живущее как в душе дикаря, так и в душе Ж.-Ж. Руссо; повсюду есть люди, наделенные им в высшей степени; более других эти люди внимательны к явлениям мира физическим и моральным, получают от него более живые и более глубокие впечатления и выражают их с большею энергией и с более тонкими оттенками. Вот источник всех талантов и в особенности – источник поэзии, которую русские создавали задолго до времен Петра Великого. Есть у нас

песни и романсы, сложенные два-три века тому назад, где мы находим самое трогательное, самое простодушное выражение любви, дружбы и проч. То пастушка оплакивает смерть своего возлюбленного, павшего в бою, его окровавленные одежды приносят ей, и она пытается смыть кровь своими слезами; то богатырь, странствующий рыцарь, скрепляет дружбу своею кровью и говорит брату по оружию: «Видишь ли ты сию гранитную скалу? Она выстояла против всех бурь. Столь же нерушимой будет моя дружба к тебе, ради тебя она выстоит против всех бурь житейских». То это юный пастух, который воспекает счастье своих овец куда натуральнее, чем г-жа Дезульер, и тем скрашивает скуку своего одинокого существования; то несчастный изгнанник бежит общества, углубляется в темные леса, живет с дикими зверьми и находит, что они менее жестокосердны, нежели люди. Во всех этих песнях такт очень размерен и очень разнообразен, все они проникнуты меланхолией и склонностию к нежной грусти, которые свойственны нашему народу и прекрасно выражены в очень простых, очень

унылых, но очень трогательных напевах.

Есть у нас и старинные рыцарские романы (герои их обычно военачальники князя Владимира, нашего Карла Великого) и волшебные сказки – некоторые из них достойны называться поэмами. Но вот, милостивый государь, что поразит вас, быть может, более всего – года два назад в наших архивах обнаружили фрагмент поэмы, озаглавленной «Слово о полку Игореве», которую можно поставить рядом с лучшими местами из Оссиана и которую сложил в двенадцатом веке безымянный певец. Энергический слог, возвышенно-героические чувства, волнующие картины ужасов, почерпнутые из природы, – вот что составляет достоинство этого отрывка, где поэт, набрасывая картину кровавого сражения, восклицает: «О, я чувствую, что моя кисть слаба и бессильна. У меня нет дара Бонна, этого соловья прошедших времен...» Значит, и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках. В наших летописях сей Бонн не упомянут; мы не знаем, ни когда он жил, ни что он пел. Но дань уважения, воздаваемая его гению подобным поэтом, заставля-

ет нас сокрушаться об утрате его созданий.

Когда Петр Великий сорвал завесу, скрывавшую от наших взоров жизнь цивилизованных народов Европы и успехи их искусств, тогда русский человек, униженный сознанием своей отсталости, но чувствующий, что он способен обучиться, захотел подражать иностранцам во всем – в образе жизни и в платье, в обычаях и искусствах; он переделал свой язык на манер и подобие немецкого и французского, и поэзия и словесность наши превратились в отзвук и отражение чужеземных поэзии и словесности.

С тех пор мы с успехом испробовали силы свои почти во всех жанрах литературы. Есть у нас эпические поэмы, обладающие красотами Гомера, Вергилия, Тасса; есть у нас трагедии, исторгающие слезы, комедии, вызывающие смех; романы, которые порою можно прочесть без зевоты, остроумные сказки, написанные с выдумкой, и т. д. и т. д. У нас нет недостатка в чувствительности, воображении, наконец – в талантах; но храм вкуса, но святилище искусства редко открываются перед нашими авторами. Ибо пишем мы по вне-

запной прихоти; ибо слабое ободрение не побуждает нас к усидчивому труду; ибо, в силу тех же причин, справедливые критики редки на Руси; ибо в стране, где все определяется рангами, слава имеет мало притягательного. Вообще же у нас больше пишут в стихах, нежели в прозе; дело в том, что под прикрытием рифмы более допустима небрежность, что благозвучную песню можно прочесть в обществе хорошенькой женщине и что сочинение в прозе должно содержать больше зрелых мыслей. Вот уже несколько лет, как в Москве выходит календарь муз под названием «Аониды», с эпиграфом из Шамфора:

*Соперника в стихах восславим
торжество,
Кто победитель мой? Я обниму
его.*

Все наши поэты печатаются в этом альманахе, – они воспевают восторги или мучения любви, улыбку весны или жестокости зимы, радости труда или очарование лени, величие наших монархов или прелесть наших пастушек; вслед за тем они замолкают на весь год.

Прилагаемый к сему отрывок из прозаиче-

ского сочинения, стяжавшего в России некоторый успех, позволит вам судить о том, как мы видим вещи, как пишем и как изучаем создания словесности.

Письма русского путешественника, в пяти частях. Москва, 1797 год

Своему успеху у русского читателя это сочинение отчасти обязано новизне предмета. Наши соотечественники [1] давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке. Автору сих писем первому явилась эта мысль, и ему удалось привлечь интерес публики. Это молодой человек, стремящийся увидеть природу там, где она представит более сияющей, более величественной, чем у нас, и он особо алчет увидеть великих писателей, чьи сочинения пробудили в нем первые движения души. Он вырывается из объятий друзей и отправляется в путь один на один со своим чувствительным сердцем. Все интересуется его: достопримечательности городов, мельчайшие различия в образе жизни их обитателей, монументы, воскрешающие в его

памяти различные знаменательные события; следы великих людей, которых уже нет на свете; приятные ландшафты, вид плодородных полей и безбрежного моря. То он посещает развалины заброшенного старинного замка, чтобы без помехи предаться там мечтам и блуждать мыслью во тьме прошедших веков; то он является в дом к знаменитым писателям – причем единственной рекомендацией служит ему его восторг перед их сочинениями; и почти всегда он бывает хорошо принят. Впрочем, ему случается и переносить некоторые унижения. Кант, Николаи, Рамлер, Мориц, Гердер принимают его сердечно и приветливо; он очарован их приемом и в таких случаях чувствует себя пронесенным в древние времена, когда философы отправлялись в самые дальние страны, дабы повидаться с себе подобными, и повсюду находили гостеприимных хозяев и искренних друзей. Но когда автор бессмертного «Агатона», будучи в дурном расположении духа, говорит ему: «Сударь, я вас не знаю», – он поражен, потрясен, он уже хочет уходить и хо-

чет отказаться от своего увлечения такого рода визитами; но добрый Виланд смягчается, меняет тон, удерживает его и доверительно с ним беседует; и, проведя три часа в кабинете сего великого поэта, юный путешественник прощается с ним, полный признательности и со слезами умиления. О французской революции он услышал впервые во Франкфурте-на-Майне; известие это его чрезвычайно волнует, он въезжает в Эльзас – там кругом сплошное смятение, разговоры только о кражах, об убийствах; он спешит в Швейцарию, чтобы там вдохнуть воздух мирной свободы; он видит пленительные долины, где земледелец покойно вкушает плоды своего размеренного труда; он взбирается на самые высокие горы, покрытые вечным снегом, и там, на их величественных вершинах, преклоняет колена, чтобы восславить творца вселенной; он близко сходится с альпийскими пастухами, восхищается красотой пастушек и с сожалением возвращается вниз, в долины. В Цюрихе он всякий день обедает в обществе знаменитого Лафатера,

любя его за прямоту и добродушие, но сожалея о его ошибочных взглядах. Ему нравится жить в Берне, в Лозанне, в Веве; в Кларенсе он перечитывает самые страстные письма «Новой Элоизы» и, наконец, останавливается в Женеве. Он принят во всех серклях этого мирного городка, в доме г-жи К., присутствует на мистических сеансах одного графа-эмигранта, знакомится со знаменитым г. Боннетом и проводит восхитительные часы в Жанту, где, по его словам, созерцает «созерцателя природы на пороге отбытия в небесную отчизну, читая на его величественном челе тихое спокойствие, мирный сон души, кои наступают, когда уже все силы истрачены на активную деятельность и когда душе, достигшей высшей степени духовного совершенства, нечего больше делать на земле». Читатель с удовольствием остановится на всех подробностях, касающихся Боннета – нежного супруга, друга человечества и благодетеля бедных.

Автор совершает поездки в Савойю, в Швейцарию; ему кажется, что на ост-

рове св. Петра он видит тень Ж.-Ж. Руссо, в экстатическом состоянии беседует с нею и возвращается в Женеву – читать продолжение «Исповеди», которое только что вышло в свет. Он неоднократно посещает Фернейский замок, откуда некогда лились лучи просвещения, рассеявшие в Европе тьму предрассудков, где загорелись лучи остроумия и чувства, заставлявшие то плакать, то смеяться всех современников.

Наконец автор прощается с прекрасным Женевским озером, прикрепляет к шляпе трехцветную кокарду, въезжает во Францию, некоторое время живет в Лионе, восхищается французской учтивостью и безуспешно разыскивает могилу Амандуса и Аманды[2], могилу Фальдони и Терезы; затем продолжает свое путешествие и, наконец, надолго останавливается в Париже. Вот здесь-то и ждет его читатель; письма становятся интереснее и разнообразнее. Сначала он ошеломлен видом самого большого и самого шумного города в мире. Он чувствует потребность собрать воедино разрознен-

ные впечатления, и, чтобы лучше живописать Париж, он покидает его. В прелестном Булонском лесу, сидя под сению деревьев, один среди оленей, которые бегают и резвятся вокруг него, он описывает эту столицу или, вернее, свои впечатления от нее.

«История Парижа, – пишет он, – это история Франции и цивилизации». Он пробегает ее кратко, но старается охватить все самые характерные черты и кончает словами: «Итак, французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния. Сравнивая ее медлительное шествие со стремительным движением нашего народа в направлении той же цели, начинаешь верить в чудеса; поражаешься мощи созидательного гения, который вырвал русскую нацию из летаргического сна, в какой-то она была погружена, и с такой силой двинул ее по пути просвещения, что через малое количество лет мы оказались в одном ряду с народами, начавшими движение за много веков до нас. Но тут иные мысли, иные характеры занимают мое воображение: до-

статочны ли прочны эти здания, воздвигнутые с излишней поспешностью? Ведь в природе движение всегда размеренно и медлительно. Могут ли устойчивыми и прочными быть блистательные исключения из правил? Из детей, которых в раннем детстве слишком многому обучают, получают ли великие люди?.. Я умолкаю». Наш путешественник присутствует на бурных заседаниях в Народном собрании, восхищается талантами Мирабо, отдает должное красноречию его противника аббата Мори и сравнивает их с Ахиллесом и Гектором. – Он принят в некоторых кругах Парижа, заводит знакомство с любезными маркизами, мильми аббатами, с писательницами, он слушает их рассуждения об экспансивной чувствительности, их жалобы на то, что «хорошее общество» рассеялось по всем концам земли, – в этом они видят самое роковое следствие революции; он порядочно скучает в их кружках и бежит, чтобы отдохнуть, посещает зрелища, которые его чаруют. Академии, монументы искусства, Пале-Рояль, окрест-

ности Парижа служат предлогом для многих изрядно длинных писем; особенно занятно одно из них, которое содержит любопытные анекдоты, примечательные черточки, интересные характеры.

Неужели путешественник, недавно побывавший у всех немецких писателей, пропустит случай представиться французским литераторам? Во время одного из посещений Академии изящной словесности он подходит с изъявлениями глубочайшего почтения к автору «Анахарсиса» и делает ему несколько комплиментов на скифский или, вернее, на русский манер; мудрый Бартелеми слушает их с приветливым видом, столь характерным для афинской вежливости. Нашему путешественнику кажется, что он видит мудрого Платона, с добротой принимающего юного Анахарсиса, и это сходство ему бесконечно льстит. – Он с возмущением восстает против немецкого романиста, который описывает Мармонтеля как невежу с грубой внешностью; русский путешественник находит как в лице его, так

и в манерах ту же утонченность, то же мягкое выражение чувств, кои так пленяют его в «Назидательных сказках». То, что он пишет о Бальи и Лавуазье, пробуждает тягостные воспоминания об их трагическом конце.

И, наконец, автор собрался рассказать о революции... Можно было бы ждать пространного письма, но в нем всего несколько строчек; вот они: «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел. Прочтите одно замечание в «Эмиле», и книга выпадет у вас из рук. Я слышу пышные речи за и против; но я не собираюсь подражать этим крикунам. Признаюсь, мои взгляды на сей предмет недостаточно зрелы. Одно событие сменяется другим, как волны в бурном море; а люди уже хотят рассматривать революцию как завершённую. Нет. Нет. Мы ещё увидим множество поразительных явлений. Крайнее возбуждение умов говорит за то. Я опускаю занавес». Затем, говоря о французском характере, он

пишет: «Назову воздух и огонь – и весь характер французов уже очерчен. Действительно, это самая остроумная, самая чувствительная и самая легкомысленная нация. Все общественные качества и все движения, порождаемые этими качествами, достигают у них высшей точки совершенства. Здесь все улыбаются вам; эта улыбка вежливости, которой мы напрасно пытались бы подражать и которая у немцев и англичан превращается в неприятную аффектацию (чтобы не сказать «гримасу»), улыбка эта так естественна, так изящна у любезных французов. Я люблю свое отечество; но пусть мне будет дозволено любить также этот народ и его пленительные манеры, которые всегда будут привлекать иностранцев во Францию. Говорят, верных друзей следует искать не здесь. Друзей! Ах, они редки во всех странах, да и путешественнику ли искать их где бы то ни было? Ведь он подобен комете – появится и исчезнет. Дружба есть насущная потребность наша, и она нуждается в незыблемом предмете. Но все, чего может

разумно требовать иностранец, прибывший издалека, чтобы познакомиться с народом, – французы предлагают вам это все в самой предупредительной форме. Та легкость, то непостоянство, в которых их справедливо обвиняют и которые можно смело отнести к недостаткам их характера, искупаются прекрасными качествами души, связанными с этими же недостатками. Француз непостоянен, но он зато и не злопамятен; его утомляет как восхищение, так и ненависть. Он взбалмошный и часто меняет одно благо на другое, сам первый смеется над своими ошибками и даже, если нужно, плачет над ними. Веселость и бездумье – приятные спутники его жизни; смешной каламбур радует его не меньше, чем скупого англичанина – открытие нового острова, ибо англичанин рассматривает весь свет и всех людей как объект спекуляции на лондонской бирже. Чувствительный до крайности, француз становится пламенным любовником истины, славы, всего, что есть прекрасного и великого; но любовники ветре-

ны. Увлечение, энтузиазм, порыв злобы могут увлечь его к ужасным крайностям: крайности революции служат тому свидетельством. Что и говорить, будет жаль, если сие великое событие должно будет изменить характер нации; боюсь, что, изменившись, она немало потеряет и перестанет быть тем, чем всегда была в моих глазах: самой любезной из всех наций.

Прожив четыре месяца в Париже (они показались ему весьма короткими), наш путешественник укладывается, садится в дилижанс, и вот он уже в Кале срывает цветы на мнимой могиле отца Лоренцо[3]. Он отплывает в Дувр, бросает свою трехцветную кокарду в море, шлет Франции свое последнее прощание, пожелав ей счастья, сходит на землю. Первое, что поражает его в Англии, – красота английских женщин; нежная томность их взоров, выражение чувствительности на их лицах, которое, казалось бы, говорит: «Я умею любить».

Боюсь, чтобы этот отрывок не оказался слишком длинным, потому обхожусь молчанием десять писем, в ко-

торых путешественник рассказывает о своем пребывании в Лондоне, о своем знакомстве и впечатлениях. Под конец он резюмирует: «Мне нравится Англия, но я не хотел бы провести здесь всю мою жизнь. Мне нравится вид ее великолепных городов и веселых деревень, ее парки и лужайки; но мне не нравится ее унылый климат, ее вечные туманы, заволакивающие солнце. Мне нравится твердый характер англичан и даже их странности, но мне не нравится, что они угрюмы и флегматичны. Мне нравится их просвещенность и безукоризненная честность в делах; но мне не нравится ни их расчетливая скупость, желающая разорения всех других народов, ни их презрение к бедности, что возмущает мое сердце. Мне нравится, что они горды своей конституцией, но не нравится, что они торгуют местами в парламенте. Мне нравится крылатое красноречие Шеридана и Фокса, но не нравится ни их холодное действие, ни однообразная интонация их фраз. Мне нравятся трагедии Шекспира, но мне не нравится, как безвкусно их играют в Лондоне.

Нравится мне также английская кухня, но вовсе не нравятся необычайно длинные трапезы, во время которых изрядно пьют и мало забавляются. И, наконец, я больше люблю англичанок, чем англичан, потому что они в большинстве своем хорошо воспитаны, романтичны и чувствительны, что вполне отвечает моему вкусу. Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления».

Последнее письмо отправлено из Кронштадта. Им мы и закончим это описание:

«Берег! Берег! Приветствую тебя, о моя родина! Приветствую вас, о мои нежные друзья. Еще несколько дней, и я среди вас. Доволен ли я своим путешествием? Да, я доволен. Я испытал наслаждение, и этого достаточно. Я видел цветущие берега Рейна, великолепные Альпы, прекрасный Леман, благоухающие долины Франции, плодородные поля Англии, мне всегда будет радостно вспоминать все это. Я видел великих людей, и их священный для меня образ отпечатался в душе моей,

склонной чтить все прекрасное в человеческой природе. Я видел первые нации Европы, их нравы, их обычаи и те оттенки характера, которые складываются под влиянием климата, степени цивилизации и, главное, государственного устройства; я видел все это, и я научился сдержанности в своих суждениях о достоинствах и недостатках разных народов. Наконец, я собрал множество предметов для размышлений, дабы занять душу, разум и воображение мои в сладостные часы досуга, который является предметом моих мечтаний. Пусть другие гонятся за фортуною, за чинами; я презираю роскошь и быстропреходящие знаки отличия, ослепляющие чернь; но я хотел бы заслужить внимание отечества, но я хотел бы быть достойным уважения народа; и если себялюбие не обманывает меня, я могу этого уважения достигь, совершенствуясь в прекраснейшем из всех искусств, искусстве писать – источнике наслаждений для утонченных душ, столь хорошо заполняющем пустоту жизни. «Прекрасно только то, чего нет», – сказал Ж.-Ж.

Руссо. Ну что ж. Если это прекрасное всегда ускользает от нас, как легкая тень, попытаемся уловить его нашим воображением; устремимся в заоблачные выси сладостных химер, начертает прекраснейший идеал, будем обманываться сами и обманывать тех, кто достоин быть обманутым. Ах! Если я не умею найти счастье в жизни, быть может я сумею его нарисовать, это все-таки значит быть каким-то образом счастливым; это все-таки кое-что. – Друзья мои. Приготовьте мне опрятную хижинку с маленьким садиком, где есть всего понемногу: весной – цветы, летом – тень, осенью – плоды. Пусть в моем кабинете будет камин для зимы и книги для всех времен года. Друзья разделят со мной радости и печали. Что же до любви... о ней мы поговорим в наших стихах».

С тех пор автор написал много стихотворений.

NN

Примечания

Статья была опубликована в журнале «Spectateur du Nord» («Северный вестник») в октябре 1797 г. на французском языке (печатается в переводе на русский язык). Обращаясь к европейскому читателю, Карамзин дает характеристику русской литературы. Статья особенно интересна тем, что в ней излагается содержание не опубликованных еще тогда полностью «Писем русского путешественника».

Сноски

Даем это сочинение, равно как и письмо, в том виде, в каком получили его: читатели смогут судить, до какой степени литература в России владеет нашим языком. Мы глубоко сожалеем о невозможности назвать выдающегося писателя, от которого письмо это получено; но мы должны уважать запрет, предписанный нам его скромностью. (Прим. изд. «Зрителя». – *Ред.*)

[^^^]

См. «Тристрама Шенди». (Прим. изд. «Зритель-
ля». – *Ред.*)

[^^^]

См. «Сентиментальное путешествие» Стерна.

[^^^]